

30. ~~000714.347~~
Т 78

1945 г.

1966

60.89
Я 76

Т Р У Д Ы

ЯРОСЛАВСКАГО ГУБЕРНСКАГО

СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА,

издаваемые под редакцией испр. долж. секретаря комитета А. Фогель.

336519 3 08
615592

24625

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1868.

С К А З К И

ПОПЕХОНСКАГО УѢЗДА. (*)

I.

Купеческая дочь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ богатый купецъ, Пузановымъ прозывался, и былъ онъ страшно богатъ, золотыми горами владѣлъ, а дѣтей имѣлъ сына и дочь; жена у него давно умерла; торговлю онъ велъ только по своему городу, въ дальнія мѣста никуда онъ не отъѣзжалъ. Вотъ однажды идетъ Пузановъ по улицѣ, и попадаетъ ему навстрѣчу изъ кабака горькій пьяница, не простой человѣкъ, а колдунъ. Ваше степенство, говоритъ пьяница, дайте опохмѣлиться, одолжите пятачокъ. Пузановъ и далъ ему пятачокъ. Спасибо, говоритъ пьяница: ради твоей доброты, открою я тебѣ тайну великую, за которую вѣкъ будешь меня поминать. Поѣзжай-ко ты, Пузановъ, торговать на восточную сторону, большое найдешь счастье, и слава о тебѣ пройдетъ по всей землѣ-магушкѣ:—А на кого же я оставлю дѣтей? спросилъ Пузановъ.—Сына возьми съ собой, покажи ему чужія страны, а дочь оставь дома; она у тебя разумница.

(*) Сообщены членомъ ярославскаго статистическаго комитета С. Я. Деруновымъ. Сколько намъ извѣстно, эти сказки нигдѣ еще не напечатаны; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ вторая, имѣютъ несомнѣнное достоинство. *Ред.*

Купецъ, какъ пришолъ домой, сейчасъ же велѣлъ своему сыну Оедору собираться съ товарами въ дальнія страны, а дочери приказалъ оставаться дома, жить честно, слушаться во всемъ дяди. Этотъ самый дядя, братъ купца, жилъ въ томъ же городѣ въ монастырѣ монахомъ. Пузановъ сходилъ къ нему, и слѣзно просить, чтобы монахъ надглядывалъ надъ домомъ и дочерью. — Ладно, говоритъ монахъ, будь покоенъ.

Снарядившись, Пузановъ уѣхалъ съ товарами и съ сыномъ. Проходитъ довольно времени. Приходитъ монахъ къ племянницѣ, заводитъ съ ней разные тары-бары, сладкіе разговоры. Дочь купеческая думаетъ: экой-какой дядюшка то ласковый! Приходитъ дядя въ другой разъ, и началъ приставать къ племянницѣ: полюби меня! Племянница очень удивилась, и говоритъ: — какъ это можно, дядюшка? я объ этомъ напишу батюшкѣ. — Ну, монахъ-то и озлобѣлъ на нее, и въ тотъ же вечеръ съ улицы все стѣкла выбилъ, созвалъ соседей: такъ и такъ, племянница, моя дурно себя ведетъ, любовниковъ-буяновъ имѣетъ. На другой же день отписалъ къ брату, что дочь его распутничаеть.

Получивъ такое письмо, купецъ Пузановъ снаряжаетъ сына своего Оедора къ сестрѣ, и велитъ ему свою сестру зарѣзать, и окровавленное платье доставить къ нему. Приѣхавъ Оедоръ къ сестрѣ, рассказалъ ей приказъ отца. Сестра всплакала горько, и говоритъ: пожалѣй братецъ, не губи ты мою молодость! — Какъ же быть? Ты сама знаешь, сестрица любезная, что если я не исполню воли родительской, такъ онъ меня зарѣжетъ: строго онъ очень у насъ! — А ты вотъ что сдѣлай: отвези меня въ темный лѣсъ, зарѣжь собачку и вымарай собачкиной кровью мое платье.

Пожалѣвъ братъ сестру, зарѣзалъ собачку, вымаралъ ей кровью сестрино платье, а сестру-то отвезъ въ темный лѣсъ, потомъ приѣхавъ къ отцу, показалъ сестрино кровавое платье и собачье сердце. А Пузановъ и говоритъ: собакъ собачья и смерть! пусть больше не будетъ порочить мое имя честное!

Торговалъ Пузановъ цѣлый годъ и воротился домой съ боль-

шимъ барышомъ; о дочери и помину не стало ни въ домѣ отца, ни въ городѣ. А купеческая дочь долго бродила по лѣсу, жила въ звѣриныхъ пещерахъ; платье на ней все изорвалось. А въ лѣсу этомъ однажды король охотился за звѣрями; собаки залаяли у пещеры, въ которой находилась эта самая купеческая дочь. Король хотѣлъ стрѣлять, а купеческая дочь запросила помиловать ее. Удивился король, что въ пещерѣ человѣкъ скрывается, и говоритъ: кто есть живъ человѣкъ, такъ выходи. Да нельзя мнѣ выйти, я нага и боса. Король подалъ ей свою шинель. Купеческая дочь одѣлась, вышла. Король спросилъ, какъ ее зовутъ?—Зовутъ меня Любовью; дочь я купца Пузанова, а сюда попала вотъ такъ-то. Король взялъ ее съ собой, во дворецъ привезъ, и полюбилась ему купеческая дочь за прекрасное лицо, да за умныя слова, такъ, значитъ, полюбилась, что король захотѣлъ на ней жениться. Черезъ мѣсяцъ и сыграли свадьбу; съ годъ эдакъ будетъ, жили въ любви и согласіи, а на другой годъ король уѣхалъ на войну, а Любовь оставилъ въ королевствѣ хозяйничать. Возвратился король, нашолъ все въ хорошемъ порядкѣ, за это еще больше ее полюбилъ. Только молодая королева все тосковала, все горевала по своему городѣ и по отцѣ, и стала проситься у короля: отпусти ты меня на родниѣ побывать, отца съ братомъ повидать. Король отпустилъ. Я бы и самъ, говоритъ, тебя проводилъ, да государственныя дѣла мѣшаютъ. И далъ онъ королеви въ прислугу много свиты, а всей этой свитой приказалъ командовать министру. Поѣхала королева, ѣхала долго и пріѣхала на ночлегъ въ одно село, а село это было около лѣсу. Тутъ къ ней и сталъ на ночлегъ приставать министръ, и говоритъ: полюби меня, государыня, я богаче самого короля, я осыплю тебя золотомъ; поѣдемъ со мной за теплыя моря, тамъ есть у меня хрустальные замки, серебряныя озера, а въ нихъ золотая рыбка гуляетъ. Обидилась этимъ королева и говоритъ: развѣ за тѣмъ тебя послали, чтобы обижать меня? развѣ ты такой человѣкъ, въ которомъ совѣсти-правды нѣтъ? Забываешь, что я королева!—Тутъ разсвирепѣлъ министръ, и сталъ ее и тѣмъ, и дру

гимъ корить. Если, говорить, не хочешь быть моей женой, такъ будешь моей любовницей, а отъ мужа своего повѣщенной; я, говорить, все устроилъ, вся прислуга за меня; ты волей-неволей, а будешь моя. Соглашайся!—Погоди хоть до завтра; сегодня я нездорова.—Ну, министръ и согласился. Легла королева спать. Ночь темная. Ей таково тошно стало, взяла да и выскочила тайкомъ въ окошко, чтобы прислуга не видала и не слыхала, пошла въ лѣсъ. Лучше, думаетъ, убѣжать отъ такого человѣка! Такъ вотъ и скрылась въ лѣсу. А министръ утромъ всталъ: нѣтъ королевы, испугался, послалъ гонцовъ; искали ее—искали, нѣтъ королевы, пропала. Министръ былъ человѣкъ очень искусный во лжи, пріѣхалъ къ королю и говорить: королева, ваше величество, пропала.—«Гдѣ? какъ?»—Да такъ, пропала: какъ доѣхали мы до того самаго лѣсу, гдѣ вы ее нашли, вдругъ загигикала, засвистала, да и была такова—пропала! Вся прислуга дивилась, искали ее долго: не нашли, точно въ звѣря оборотилась. Король потужилъ, заплакалъ, а однако далъ вѣру своему министру; тотъ все его уговаривалъ: ничего путнаго отъ нея и ждать было нельзя; положимъ, что хороша была, да со звѣрями жила, бросьте и думать, ваше королевское величество!—Только королю стало невтерпѣжь, собрался-таки ѣхать, спровѣдать тотъ лѣсъ, гдѣ его Люба прежде жила, поѣхалъ и министра съ собой взялъ, долго искали по лѣсу: нѣтъ и слуху. Вздумалъ тогда король навѣдаться къ ея отцу: не пошла ли она къ нему?—Пріѣхалъ въ тотъ городъ, въ которомъ жилъ купецъ Пузановъ, остановился онъ у него въ домѣ, сказался, кто онъ такой, какъ былъ женатъ на его дочери, и спросилъ: нѣтъ ли ея у тебя?—Пузановъ очень удивился, и вѣры даже королю не даетъ—У меня, говорить, ваше величество, и дочери нѣтъ; была, правда, одна дочь, да умерла много годовъ назадъ. Задумался король: и въ самомъ дѣлѣ жена моя не оборотень ли какой была? И напала на него великая тоска, такая тоска, что онъ цѣлую ночь не спалъ, а на другую ночь тоже не спится, и говоритъ король Пузанову:—скажи мнѣ, купецъ Пузановъ, не

знаешь-ли, сказочку?— Не знаю, ваше величество; вотъ у меня есть приказчикъ, такъ ужъ тотъ на эти штуки такой мастеръ, цѣлый день все у него розказни. Недавно я нанялъ, и нанялъ-то я его въ дворники, да такой вышелъ малый славный, что лучше родного сына; я третьяго дня произвелъ его въ приказчики. Угодно будетъ, позову. — Ну, позови.

Призвали. Явился молодецъ съ круглой бородкой, глаза какъ огонь. «Умѣешь ли сказывать сказки?»— «Извольте, скажу быль.» «Сказывай, братецъ.»— «Только я буду говорить съ уговоромъ: вась вотъ здѣсь много; если кому въ моей былинѣ что не понравится, того—разъ въ щеку, да и въ н....къ.» А въ горницѣ съ королемъ были министръ, да купецъ, да братъ его монахъ, да сынъ купца. Вотъ и началъ приказчикъ разказывать: какъ у купца была дочь, какъ ее, по наговору монаха, отецъ приказалъ сыну зарѣзать. Въ это, значить, самое время, сынъ купца да монахъ и закричали разомъ: вотъ дичь-то какую пореть! — «Я, говоритъ приказчикъ, больше не буду говорить, перебиваютъ меня.»— «Эй! прислуга! закричалъ король:—вадай ихъ по щекѣ и отведи куда слѣдуетъ, по уговору. Коли я далъ такое королевское слово, такъ ужъ не нарушу. Бей и веди въ н....къ!» Такъ ихъ, гелубчиковъ, и сировалили туда. Потомъ приказчикъ досказалъ, какъ госуляръ нашолъ дѣвушку въ лѣсу и какъ женился на ней. Король смолчалъ. Вотъ приказчикъ досказалъ, какъ Любовь поѣхала къ отцу, къ чему ее министръ уговаривалъ; тутъ и министръ не вытерпѣлъ: — ну, братъ, ты больно хорошо врешь, отстань!— «Эй, люди! разъ ему въ щеку и отвести въ теплое мѣсто!»—Потомъ приказчикъ досказалъ, какъ убѣжала королева, ночью, въ темный лѣсъ, а оттуда, переодѣвшись, къ своему отцу.— Гдѣ же моя Люба-то? спросилъ Пузановъ:—давай ее, веди ко мнѣ; я тебя, молодецъ, озолочу.» Ну, ужъ тутъ приказчикъ не вытерпѣлъ, сорвалъ съ себя бороду, да и говоритъ: узнаешь ли?—Извѣстно дѣло, король бросился на шею къ приказчику, потому-что это была его королева, а она и говоритъ Пузанову:— «Батюшка, я твоя дочь. А тѣхъ злодѣевъ

прости, мой милый мужъ». На радостяхъ, значить, монаха и министра вывели изъ теплаго мѣста. Тутъ купецъ вспомнилъ слова шьяницы. Долго послѣ того пировали. Король возвратился въ свое королевство, и теперь еще живетъ со своей королевой Любой.

II.

Четыре брата.

Жили-были четыре брата; большака звали Митрофаномъ, второго Петромъ, третьяго Васильемъ, а четвертаго Иваномъ. Жили они въ деревнѣ, а деревня-то была, значить, два двора, восемь улицъ, а два дома—что два кола. Вотъ въ одномъ изъ нихъ и жили четыре брата, а другой домъ стоить пустой; жили, говорятъ, и въ немъ когда-то добрые люди, да въ лѣсъ ушли къ волкамъ, а другіе толкуютъ: лѣшій ихъ утащилъ. Братаны были сироты, отца съ матерью не помнили, кормились одинъ охотой, другой рыбной ловлей, третій у нихъ же поворывивалъ, а четвертый имъ же прислуживалъ. Только, значить, надоело имъ такое житье; стали они на возрастъ, силы у каждаго вдоволь; да къ тому же старшій сировѣдалъ, что за моремъ люди живутъ куда хорошо! Прельстились братаны. Старшій-то, къ слову сказать, проныра былъ, хитрецъ, потому-то онъ скорѣй другихъ и сировѣдалъ такую вѣсть, и братанамъ рассказалъ. Второй говоритъ: ну, ладно! поидемъ, знатно заживемъ. Второй былъ тоже плутовать и съ братанами обращался позелительно: если братаны не слушались его, онъ заставлялъ ихъ силою; а сила, значить, у него была не своя, а посторонняя: онъ очень охочъ былъ приручать къ себѣ разныхъ звѣрей; особливо собаки были ему послушны; даже свиньи—и тѣ за него хрюкали, быки—и тѣ за Петра готовы были поднять всякаго на рога, сѣрые волки—и тѣ къ Петру шли словно къ своему

набольшему. Вотъ, имѣя такую подъ рукой силу, Петръ и повелѣвалъ братами, какъ хотѣлъ: если въ чемъ не слушаются, напускаетъ на нихъ собакъ, тѣ и ну ихъ донимать. Черезъ это самое Петръ и взялъ первенство надъ братами, и стали братья бояться его пуще большака. Да и третій братъ Василій былъ такая петля-плуть, что только на поди!.. ко всякому брату подслужится и каждого надуетъ, за все съ нихъ сдеретъ, вездѣ за нихъ сходить, всемъ униженно поклонится. А четвертый братъ Иванъ имѣлъ такую силу, что всехъ троихъ брановъ на себѣ носилъ, за всехъ троихъ дѣла исправлялъ, всемъ троицъ хлѣбъ-соль приготавливалъ, да за то былъ такой смиренникъ да простачекъ, что братья его же и ругали, и бранили всячески, и колотушками кормили; а Иванъ молчитъ-знай, развѣ когда слезами умоется, и только.

Вотъ какъ старшіе сprovѣдали, что на чужой сторонѣ житье не въ примѣръ лучше, чѣмъ ихнее, сейчасъ собрались да и стали между собой совѣтъ держать: не лучше ли имъ покинуть свою деревню, попытать счастья на бѣломъ свѣтѣ? Сказано, сдѣлано. Распрощались братья и пошли въ разныя стороны. Старшій шелъ-шелъ, дошелъ до большого монастыря; а монастырь этотъ былъ такое дивное диво, что какъ ни былъ хитеръ Митрофанъ, а у воротъ монастырскихъ призадумался: экая, говорить, махина! чай, потрудились добрые люди, воздвигая такое чудо!—Долго дивился Митрофанъ, наконецъ вошелъ въ монастырь, помолился, поосмотрѣлся въ живущую тутъ братію и въ ихъ премудрыя дѣла, смекнулъ, знаешь:—«Э! да это мнѣ съ руки, тутъ хитростей оченно много, а я съ измалѣтства считался хитрецомъ, дай-ко тутъ остановлюсь.» Остановился Митрофанъ въ монастырѣ, сначала служилъ истопникомъ, потомъ монахомъ, потомъ выше и выше, и дошелъ до настоятельскаго чина, и заслужилъ между монахами и богомольцами славу; все считали его за умнаго и набожнаго человѣка. Слава о Митрофанѣ пошла по всей подсолнечной землѣ. Долго тутъ правилъ Митрофанъ, только пришло ему время умереть; умеръ;

похоронили въ золотыхъ парчахъ, въ золоченомъ гробѣ, въ каменную могилу. Вездѣ звонили въ колокола.

А второй братанъ Петръ пошолъ совсѣмъ въ другую сторону отъ Митрофана, шелъ-шелъ, долго шелъ, все ему не казалось хорошо; только подошелъ къ одному великому городу; тутъ хоронили короля съ почестями разными. Весь народъ стоялъ безъ шапокъ, а солдаты съ ружьями, вытянутые въ струнку; ими командовали наибольшіе начальники; солдаты разные артикулы выдѣлывали. За гробомъ ѣхало карегъ, колясокъ видимо-невидимо. Провезли короля, похоронили; солдаты изъ ружей палили. Похоронивши, наибольшіе собрались и стали разсуждать: кому быть новымъ королемъ? Тотъ говоритъ: мнѣ, другой говоритъ: мнѣ, и пошла перепбранка. Долго они шумѣли да спорили, наконецъ, порѣшили такъ: пусть выборъ падеть по божьему изволенью; соберемъ, дескать, разнаго звѣрья ликаго, и будемъ по очереди, кому хочется быть королемъ, подходить; если звѣри дикіе которому ничего не сдѣлаютъ, а будутъ ласкаться, тому и быть королемъ. Такой совѣтъ оченно понравился всему народу, и наибольшіе сказали: ладно! Сказано, сдѣлано. Собрали разнаго звѣрья въ большой отгородокъ, и стали туда впускать желающихъ быть королемъ; солдатъ поставили съ ружьями, для безопасности, значить. Народу собралось видимо-невидимо. Много было желающихъ; только кто ни взойдетъ, звѣри-то, знаешь, и окрысается, и бросается, чтобы изгрезать. Ну, тутъ сейчасъ солдаты и отволятъ такого искателя, пускаютъ другого. Только все нѣтъ короля. Петръ стоялъ тутъ, глядѣлъ и раздумывалъ: развѣ мнѣ понасть въ король? я умѣю всѣхъ звѣрей обласкать, мнѣ звто дѣю сисдручно. -- Снялъ шапку, поклонился на всѣ четыре стороны, и пошолъ къ воротамъ; его впустили; онъ таково смѣло взошелъ къ звѣрямъ, и тутъ, сударики вы мои, звѣри-то передъ Петромъ всѣ такъ и заходили, и завизжали, да всѣ на заднихъ лапкахъ и стали около него ходить. Такой звѣри подняли визгъ да вой, что весь народъ только дивится. Вотъ, говорягъ, король-то! вотъ чудо-то божье! Сейчасъ же

всѣ наибольшіе и народъ передъ Петромъ шапки долой; солдаты артикуль сдѣлали. Повели Петра въ палаты позолоченныя, стали его поздравлять. Вотъ Петръ и сталъ поживать королемъ, царствуетъ на славу; всѣ наибольшіе имъ довольны, всѣ ему поклоняются, всѣ его считаютъ за сильнаго человѣка, Богомъ любимаго. Петръ поцарствовалъ, а пришло, наконецъ, и ему время умирать. Умеръ. Похоронили его съ большимъ великолѣпіемъ.

А третій братанъ Василій пошолъ на западную сторону, пришолъ въ городъ богатый, гдѣ почти весь народъ велъ торги разные. Василій посмотрѣлъ на ихъ премудрыя дѣла и смекнулъ:—Э, да эти штуки мнѣ знакомы! дай-ко я тутъ останусь жить-поживать. Нанялся къ одному торгашу, богатому купцу, въ работники и сталъ жить-служить, сперва разныя плохія дѣла исполнялъ, а потомъ сталъ и прикащикомъ. Скоро купецъ замѣтилъ въ Васильѣ торговую сметку, далъ ему большину (первенство) надъ всѣми. Василій, а забылъ сказать, сударики вы мои, изъ себя былъ картина, а у купца-то была дочь единственная, красавица, и къ тому же богачка. Вотъ Василій и началъ за ней увиваться, да опасно, тихонько отъ купца, на ней и обженился. Когда узналъ купецъ про такія дѣла, сперва больно посерчалъ, а потомъ и ничего: усыновилъ Василья замѣсто родного сына. Василій сталъ жить-поживать да брюшину себѣ отращивать. Только, значить, и ему пришла пора-времечко разстаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Умеръ Василій. Сзвали на обѣдъ заупокойный видимо невидимо народу, поили, кормили всѣхъ до отвала, бѣдныхъ мѣдными деньгами надѣлили, пемянули честнымъ порядкомъ.

А четвертый братанъ Иванъ, какъ разошелся съ братьями, горько-горько заплакалъ, жаль ему было ихъ родимыхъ, и пошолъ онъ на сѣверную сторонку, проходить разные монастыри и городы, все ему не кажется житье. Нѣтъ, думаетъ, жить такъ жить въ деревнѣ-матушкѣ, привольно тутъ и раздольно!—Остановился Иванъ въ одной деревнѣ, нанялся въ работники, и тутъ не ужился, стосковался, воротился въ своему родному гнѣздышку. Доминшко его

еще плоше сталъ; только въ другой домъ хозяева изъ лѣсу воротились; семья у нихъ была и малая, и большая. Ивану хотъ этимъ стало повеселѣй. Началъ Иванъ работать да поживать, опосля и обженлся на дочери сосѣда; дѣтей у него стало кониться, бѣдность стала Ивана хватать оченно. Сколько Иванъ ни работаетъ, сколько ни трудится, а и голодно-то у него, и холодно-то, а семья-то все конится да конится. Сосѣдъ тесть тоже не красно жить, и сталъ сосѣдъ жить на много домовъ, значить, съ сыновьями раздѣлился; деревня Ивана поразстроилась, только во всякомъ дому бѣдности по горло. У Ивана богатства тоже не прибываетъ; дѣти у него хотъ и стали подростать, а прибѣтку все мало копится. Какъ ни велика была сила у Ивана, да и та стала выходить: то спина заболитъ, то руки ноютъ, то грудь щемитъ. Сталъ Иванъ слабнуть; тоска его беретъ за бѣдность семейную. И умеръ Иванъ, и похоронился не во что: полотнѣ на саванъ, и то у шуриновой жены ребята взяли, сколотили изъ досокъ гробикъ, да въ него и положили Ивана, повалили на худую лошаденку и свезли на погостъ, зарыли, потужили. . . И стали дѣти Ивана горемыкать да трудиться до упаду.

А Иванъ какъ только явился на тотъ свѣтъ, сейчасъ ангелы небесные и подхватили его, и понесли въ пресвѣтлый рай. Всѣ двери передъ Иваномъ отворяются, всѣ небесныя силы поютъ, величаютъ Ивана. Дивится онъ: за что это меня такъ чествуютъ? не сонъ ли это? умеръ ли я, или? спрашиваетъ онъ одного ангела. Умеръ, Иванушко, умеръ.—За что же меня такъ чествуютъ и хорошую, свѣтлую жизнь отводятъ? Я на томъ свѣту жилъ, только мучился.— За то самое тебя и чествуютъ, и въ рай отведутъ; а до страшнаго суда тебѣ мѣсто свѣтлое уготовано.—Гдѣ же другія-то мѣста?—Хотъ, покажу? — Ну, покажи. — Вотъ и повелъ ангелъ господень Ивана по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ находятся праведныя и грѣшныя души; тутъ онъ увидалъ и своихъ братановъ: Митрофанъ-то сидитъ въ такомъ мѣстѣ страшномъ да въ темномъ, что за него страшно дѣлается; Петръ-то сидитъ тоже въ такомъ

мѣстѣ, что и темно у него, ч холодно; а Василій сидитъ—мѣсто маленько освѣтлѣе, свѣтъ чуть-чуть, какъ отъ звѣздочекъ въ темную ночь, проглядываетъ. Жалко стало Ивану своихъ кровныхъ братановъ, и говоритъ онъ ангелу господню:—вотъ тутъ находятся мои братаны, нельзя ли мнѣ ихъ навѣстить, поговорить, да къ себѣ привести?— Нельзя, говоритъ ангель господень.— Да почему же?—А потому, Иванушко, что они недостойно вели свою жизнь на томъ свѣту. Захотѣлось Ивану узнать, за что они въ такія мѣста посажены, и говоритъ Иванъ ангелу господню:—повѣдай мнѣ, ангель господень, про ихъ прежнее житіе на томъ свѣту, чѣмъ они такъ прогнѣвали Господа Бога?—Изволь, расскажу. Твой старшій братъ Митрофанъ, какъ разошелся съ тобой, поклялся служить Господу Богу въ монастырѣ, проходилъ разныя святыя постановаенія мимо, гордился своимъ знаніемъ, людей вводилъ въ обманъ, хитростями и лицемѣрствомъ жилъ весь свой вѣкъ, не слушался совѣти, и за это ему больше всехъ придется терпѣть, а на судѣ страшномъ ждетъ его злая мука. А второй твой братъ Петръ былъ въ нѣкоторомъ королевствѣ королемъ, престола достигъ не по наслѣдству, а значеніемъ своимъ да силой надъ звѣрами, стало быть чрезъ обманъ, правилъ народомъ немилосердно, судъ велъ несправедливо, на казни посылалъ жестоко, кровь человѣческую проливать не боялся, разныя свои обманъ и повелѣнія вводилъ силой звѣриной. За все это ему горько будетъ жить на этомъ свѣтѣ, а на страшномъ судѣ ждетъ Петра мука вѣчная. А третій твой братъ Василій былъ кунцомъ, нитице и жизнь себѣ досталъ хорошую не честнымъ трудомъ, а безсовѣтной ложью и обманомъ, съ бѣднаго человѣка бралъ лишнюю трудовую копейку, забдалъ трудовую жизнь, выростилъ себѣ брюхо, конилъ золотую казну, при жизни кое-когда награждалъ копейками бѣдныхъ, подавалъ милостыню,—вотъ за эту милостыню къ нему и пропускается во тьму маленько свѣту, а на страшномъ судѣ онъ можетъ быть и получить какое нибудь облегченіе.—А за что же я-те, ангель господень, удостоился такого свѣтлаго мѣста?—За простоту жизни, за трудъ

честный, которымъ ты питалъ и старшаго, и второго, и третьяго брата. Ты отдавалъ имъ свое достоиніе безъ ронота, для нихъ тратилъ свою могучую силу, и за все за это они же надъ тобой смѣялись, они же надъ тобой ругались!.. Ты во всемъ былъ покоренъ, ничего не желалъ лишняго, любилъ даже своихъ враговъ. Ну, значитъ, все это и доставило тебѣ свѣтлое мѣсто, а на страшномъ судѣ будетъ тебѣ великій почетъ. Мы все за тебя, Иванушко, радуемся.—А нельзя ли какъ нибудь, ангелъ господень, братьевъ-то миѣ выручить? жаль вѣдь: родные!—Не знаю, Иванушко, на то воля божья, проси Его...

Запечалился Иванъ, пошолъ за ангеломъ, и свѣтлое мѣсто показалось ему темиѣ прежняго.

III.

Солдатъ въ кабачкѣ.

Шелъ солдатъ въ домовый отпускъ, идетъ путемъ дорогою, видитъ: стоитъ дерево, вышиною до самаго неба, и что ни сучокъ, то кабачокъ. Солдатъ поглядѣлъ, подивился: вотъ какія чудеса здѣсь творятся! дай-ко я забреду съ дороги. Поднялся, зашолъ въ кабачокъ, спросилъ вина на пяточокъ, выпилъ, закусилъ, и захотѣлось ему спать; легъ—не спится, думушка въ головѣ вертится, куда задумано, туда снѣшится. Всталъ да пошолъ, идетъ дальше, усталъ, и видитъ: онятъ сучокъ, на сучкѣ кабачокъ; зашолъ въ кабачокъ, спросилъ вина на пяточокъ, выпилъ, закусилъ, и захотѣлось ему спать; легъ—не спится, думушка въ головѣ вертится, куда задумано, туда снѣшится. Всталъ, пошолъ путемъ-дорогою, приподнялся еще вверхъ, и видитъ: онятъ сучокъ, на сучкѣ кабачокъ, также спросилъ вина на пяточокъ, выпилъ, закусилъ, и за-

хатѣлось ему спать; легъ—не спитъ, думушка въ головѣ вертится, куда задумано, туда спѣшитъ. Всталъ, пошолъ путемъ-дорогою, приподнялся, и видитъ неба край, схватился за край, да туда и давай влѣзать, влѣзъ и пошолъ по небу гулять, увидалъ прекрасный садъ, вошолъ въ садъ, походилъ, разныхъ вишеньевъ до отвалу поѣлъ, и пошолъ изъ саду вонъ. И видитъ солдатъ: есть около саду съ неба на землю окно. Поглядѣлъ солдатъ въ окно, видитъ землю-матушку, и стало ему хотѣться, какъ бы понасть на землю. Не знаетъ какъ понасть. Тоска его беретъ смертельная,—взялъ перекрестился, да и бултыхъ въ окно, полетѣлъ на землю, ударился о землю и ушолъ въ нее по самыя пазухи. Сидитъ такъ солдатъ въ землѣ. Вотъ и прилетѣла утка, да и стала на солдатовой головѣ вить гнѣздо, свила гнѣздо, нанесла яйцъ. Только и повадился къ этимъ яйцамъ медвѣдь, и сталъ эти яйца ѣсть. Вотъ солдатъ потихонечку выправилъ обѣ руки—хватъ медвѣди за хвостъ, да какъ закричитъ: тюкъ-тюкъ-тюрюрюкъ-тюрюрюшеньки!.. Медвѣдь рванулся, побѣжалъ, а солдатъ изъ земли и вынырнулъ. Медвѣдь рвется, солдатъ не пускаетъ; медвѣдь рвется, солдатъ держитъ; медвѣдь въ лѣсъ, солдатъ уперся въ дерево; медвѣдь рванулся—хвостъ въ рукахъ у солдата и остался. Оттого, сударики вы мои, медвѣдь теперь безъ хвоста. А солдатъ гвился въ деревню, да не будь глупъ и сшилъ себѣ изъ хвоста тулупъ. Такъ и теперь въ тулупѣ ходить.

IV.

Жадная старуха.

Жиль-быль старикъ со старухой. Дѣтей у нихъ смблodu не народилося, подѣ старость не наростилося; пришла къ нимъ ста-

рость-нерадость, вонь-кормить не кому. Старикъ и говоритъ старухѣ: давай ко, старуха, лютой Богу молиться, не подасть ли Богъ за наши молитвы намъ денегъ на прокормъ? Старуха грызетъ, сидя на печи, изъ кужля питку, стучить веретеномъ и говоритъ старику: экой ты у меня старый дуракъ! ну, развѣ Богъ деньги кому подасть? Ему подавай!.. Ты бы, дуракъ, лучше сказалъ: поди, старуха, къ знахаркѣ Шошѣ; та на все такая дѣшлая, скажетъ да покажетъ, гдѣ добыть золотой казны; безъ горюшка проживемъ до смерти. Старикъ крякнулъ, почесалъ въ сѣдой головушкѣ и сказалъ: умища ты у меня, старуха, дѣлай какъ знаешь лучше, не умори старика съ голоду.

Собралась старуха, пошла къ знахаркѣ Шошѣ, пришла къ Шошѣ, говоритъ, низко кланяется: такъ и такъ, сударка, стары мы стали, а пить-ѣсть хочется, работать мочушки нѣтъ, могутъ худая стала; дѣтокъ при старости на прокормленье, умремъ—на поминовенье не народилось. Помоги, сударка, старикамъ: какъ, гдѣ раздобыться золотой казной?—Знахарка посмотрѣла изъ подлобья, дунула три раза наотзадку, и говоритъ старухѣ: изволь, старуха, за твою старость, за старикову честность, помогу вамъ. На вотъ возьми корешокъ: отъ меня пойдешь, все иди путемъ-дорогою, иди сутки цѣлья на почную сторону; застѣжетъ тебя ночь темная—иди, придешь къ рѣкѣ, увидишь мельницу, взойди на плотину и брось корешокъ въ омутъ наотмашку, и опять иди путемъ-дорогою, не оглидывайся, только и говори: «дѣдушко водяной, пошли мнѣ золотого оборотня!»—Вотъ къ тебѣ и будетъ бросаться, соваться подъ ноги черная кошка: ты ее и тнишь по головѣ наотмашъ. Попадешь—хорошо, разсыплется,—подбирай тогда золотую казну, смотри и меня не забывай.

Пошла старуха съ корешкомъ. По ученому идти, что по нисанному. Пришла на плотину, бросила корешокъ, идетъ назадъ. Ночь-то темная, зги не видать. Старуха идетъ да твердитъ: дѣдушко водяной, пошли мнѣ золотого оборотня! Омуть колыхается, вода плещается, вѣтеръ по сторонамъ съ дѣсомъ темнымъ воесть; старуху

вида холодомъ обдаегъ, лихоманкой трясеть, — а она знай свое твердить. Вотъ ей и шастъ подь ноги черная кошка; старуха ее и тяпъ по головѣ. Кошка взвизгнула и заревѣла младенческимъ голосомъ, и говоритъ: старуха, старуха старая, пошто ты меня, дитя малое, невинное, убила?—Старуху дрожь лютой забила, подь ногами золото разсыпалось, зазвенѣло. Звѣзды да мѣсяцъ на небѣ ярко изъ облаковъ заблестали, а у старухи глаза, на золото гляючи, такъ и запрыгали, и стала она его подбирать да въ мѣшокъ складывать. Принесла старуха деньги, и говоритъ старику:—патко, старый дуралей, мы теперь безъ нужды проживемъ, всѣ кланяться намъ будутъ.

Мало старухѣ показалось: дай, думаетъ, опять пойду къ знахаркѣ, не дастъ ли другой корешокъ? Еще денегъ добуду.—Пошла къ Шошѣ, и говоритъ: дай, сударка, еще корешочикъ, тотъ я даромъ извела, испугалась, денегъ не добыла. Шоша поглядѣла на старуху изъ подлѣбья, а всѣ-таки дала корешокъ. Пошла старуха опять. По ученому идти, что по писанному. Принесла денегъ старику: патко, старый дуралей, купцами будемъ, торги заведемъ!

Опять старухѣ показалось мало, пошла къ знахаркѣ и говоритъ, кланяется: опять я до тебя, сударка, не раздобылась золотой казной, сеуди еще корешочкомъ. Знахарка посмотрѣла изъ подлѣбья, а всѣ-таки дала старухѣ корешокъ. Пошла старуха къ мельницѣ, бросила заветный корешокъ, и опять пришла къ старику, и говоритъ: патко, старый дуралей, молодость на деньги купишь, съизнова жить начнешь.—Мало старухѣ показалось денегъ; пошла старуха опять къ знахаркѣ, пришла и говоритъ, низко кланяется: дай, сударка, корешокъ, не раздобылась казной. Шоша посмотрѣла изъ подлѣбья, а все-таки дала корешокъ. Пршла старуха къ омуту, бросила корешокъ въ воду. Вода заколыхалась пуще прежнягс, заревѣлъ сыр-боръ, засвисталъ вихоръ, молнія засверкала, громъ загрохоталъ. Старуха идетъ, знай свое твердить. Кошка страя подь ноги шастъ, старуха ее—тяпъ, а кошка захохотала на весь сыр-боръ и вспыхнула какъ молнія. Ударилъ громъ, разлилась отъ вспыхнувшей

кошки огненная рѣка и поглотила старуху; старуха не успѣла и вскрикнуть. Въ ту же самую ночь у старухи и избушка съ золотой казной сгорѣла, а старикъ съ ума-разума спятилъ.

V.

Царевичъ Иринея.

Въ некоторомъ царствѣ, въ не нашемъ государствѣ, жилъ да былъ царь съ царицей, и былъ у нихъ одинъ сынъ, по имени Иринея-Царевичъ.—Иринея-Царевичъ, любимый сыночекъ отца и матери, росъ не по годамъ, а по часамъ, скоро сровнялся ростомъ съ дерево стоячее, силушкой съ облако ходячее. Народъ, гляючи на него, души въ себѣ не слышалъ, потому что Иринея-Царевичъ съ бѣднымъ обхожденъ имѣлъ какъ съ панибратомъ, съ рабочимъ народомъ плечо о плечо работалъ, а съ богачами свысока обходился, съ вельможами дружбы не водилъ. Царь съ царицею на такіа обхожденья Иринея-Царевича спервоначала улыбались, смѣялись, а вельможи косо на Иринея-Царевича поглядывали, богачи же поговаривали: присунется къ намъ, какъ нужда хватить! Много прошло времени. Иринея-Царевичъ все больше и больше съ гольтею (съ бѣдняками) сдружался. Царь не однажды говаривалъ Иринею-Царевичу: отстань, сыночекъ, отъ гольтены; не подь пару тебѣ съ ней дружбу водить. Иринея-Царевичъ только усмѣхнется. Потомъ опять царь говоритъ ему: вельможи да богатые серчаютъ. Иринея-Царевичъ только отвернется, запоетъ пѣсенку и пойдетъ съ чернетью. Вотъ и стали вельможи думать да гадать: плохо наше дѣло; если царь умреть, житья намъ не будетъ!—Подумали, погадали, да и рѣшили Иринея-Царевича извести, только не знаютъ какъ къ такому дѣлу приступить. Одинъ изъ нихъ и выискался, такая былъ дока-голова! И говоритъ: эхъ вы, головы садовыя! еще вельможами—

набольшими прозываетесь, а ума-то разума не насыано у васъ въ головушкахъ!—Тѣ и рты разинули: что же намъ дѣлать? «Какъ что? Чай знаете, что Иринеи-Царевичъ не соблюдаетъ нашихъ старыхъ порядковъ, только подсмѣивается надъ ними. Вотъ мы его и поддѣнемъ. Тяжелыхъ дней онъ не чтить, вотъ на ихъ-то мы его и подцѣнимъ! Я знаю наговоръ такой.» Взяли вельможи въ одномъ глухомъ мѣстѣ зажгли худой, бѣдной вдовицы, домшико; а дѣло-то, знать, подвели въ пятницу: тяжелый, значить, день. Иринеи-Царевичъ увидалъ пожаръ и говоритъ: за мной, ай-да! Царь съ царицей его унимають, вельможи подсмѣиваются: не ѣзди, Иринеи-Царевичъ, сегодня тяжелый день! Иринеи-Царевичъ въ одинъ шагъ очутился на пожарѣ, а тамъ въ погребѣ вельможи закатили бочку пороху, да и говорятъ: угостимъ сокола яснаго! Иринеи-Царевичъ на пожарѣ такъ головни багромъ и корѣжитъ. Вельможи, знаешь, и говорятъ ему: ахъ, вотъ здѣсь, ваша свѣтлость, у сироты вдовицы наложено имѣние,—а сами указываютъ на погребъ, гдѣ бочка съ порохомъ. Иринеи-Царевичъ туда. «За мной, говоритъ, друзья-товарищи!» За нимъ и посыпала толпа народная. Царевичъ первый бросился, и пошолъ корѣжить, только искры сыплются, да дымъ клубится. Вдругъ... пыхъ, пыхъ, пухъ!... Царевича Иринея унесло въ дыму выше облака ходячаго. Чернь и народъ ая осталась невредима; только всѣ посмотрѣли, разиня ротъ. Вельможи доложили царю, что такъ и такъ сдѣлалось, все отъ того, что Иринеи-Царевичъ выѣхалъ изъ дворца въ пятницу. Потолковали царь съ царицей, и умерли съ горя, а вельможи да богатые возрадовались, зашпровали; народъ же черный до сихъ поръ плачетъ и говоритъ, что Иринея-Царевича Господь взялъ въ дыму огненномъ на небо, за грѣхи царя съ царицей и за неумоленье народное.

VI.

Марьюшка Чудная.

Въ некоторой деревнѣ жила вдова. У этой вдовы была дочка Марьюшка. Такая была дѣвочка Марьюшка, поглядишь, диковинка! Смотрить—глаза точно звѣздки свѣтятся, слезинками блистають. А какъ настанетъ лѣто, только и проживаетъ она на рѣчкѣ да въ лѣсу. Зимой бываетъ такая кручинная, точно больная, съ подругами съ измалости не водилась, уединеніе любила. Ну, и прозвали ее *Марьюшкой Чудной*. Выросла эта Марьюшка, а ума-разума точно у ней не прибыло: все молчить да глядеть таково жалостливо, точно душу изъ тебя тянеть. Учила Марьюшку мать и тому и сему, и къ разному дѣлу приобучала: не понимаетъ Марьюшка, никакое дѣло ей не дается. За это самое и не взлюбила ее мать, такъ не взлюбила, что въ одно время предала ее проклятiю: «что ты все мои хлѣбы жрешь? хоть бы тебя лукашка (*) унес!» Съ этого проклятiя Марьюшка и стала пропадать изъ дому по цѣлымъ недѣлямъ; опалѣла советѣмъ дѣвка. Въ одно время пришла она домой и говоритъ матери: прости, матушка, замужъ иду.—Мать ей въ отвѣтъ: развѣ тебя лукашка беретъ? Только такимъ словомъ мать и приголубила Марьюшку. Зарыдала Марьюшка, вышла отъ матери, пошла полемъ къ рѣкѣ, заплѣла жалобно—жалобно, пришла, сѣла у мельницы къ омуту, стала гладѣть въ воду, рыдать, слезы горькія проливать, въ слезахъ же такія слова выговаривала: женихъ мой, женихъ званый-жланый, принимай меня, дѣвицу проклятую, безкрестную!—Вода въ омутѣ помутилась, заколыхалась; изъ воды вынырнулъ добрый молодець, красоты неописанной; только у молодца, вмѣсто ноженекъ, рыбій хвостъ. Подплылъ онъ къ Марьюшкѣ Чудной, взялъ ее за бѣлыя руки да и нырнулъ съ ней въ воду. Такъ и пропала Марьюшка Чудная.

(*) Лукавый чортъ.

VII.

Рыбакъ и чешка.

Жилъ-былъ рыбакъ, не простой рыбакъ, дѣшлый; жилъ онъ себѣ да рыбу въ рѣкѣ ловилъ, а достатку въ домѣ не имѣлось. Вдругъ этотъ рыбакъ разбогатѣлъ, и домъ поставилъ новый, и пить-ѣсть сталъ сладко и сыто. Позавидовалъ народъ житью-бытью рыбака. Вотъ сосѣди и пристали къ нему съ такими словами: скажи да скажи, отчего разжился?—Рыбакъ имъ и началъ разсказывать о своихъ прибыткахъ, какимъ манеромъ онъ разжился: «Ну, слушайте, братики мои, сосѣдушки, отколѣ мнѣ вышла линія поправиться... Хо, хо-хонюшки!.. Не на радость и разжива-то! Прихожу я разъ на рѣку, осмотрѣлъ свои снасточки рыболовныя,—глядь въ одну, глядь въ другую, въ третью: ничего не попало. Досада такая взяла, что на-поди! А ѣсть хочется, въ брюхѣ точно на колесахъ ѣздить. Вытащилъ я останнюю мережку, гляжу: сидитъ тамъ рыбица, не простая рыбица, костлявая, *чешкой* называется; плюнулъ было, да и хотѣлъ опять опустить ее съ мережей, чтѣ отъ чешки взять?—Однако раздумалъ: съ голоду и голой кости радъ. Взялъ чешку, понесъ домой, принесъ, взялъ ножъ, хотѣлъ чистить; чешка вдругъ мнѣ человѣческимъ голосомъ и говорить: не рѣжь меня, пусти погулять въ быструю рѣченьку. Что тебѣ отъ меня, рыболовъ-рыболовничекъ, сытости, отъ рыбицы непригожей, костлявой, востро-брюхой? Отпустишь, дамъ тебѣ за это большой выкупъ—камень самоцвѣтный, неоцѣненный; лежитъ этотъ камень драгоцѣнный у меня подъ сердцемъ... Экія, думаю, лясы точить, дурака нашла!—А потомъ гадаю про себя: не оборотень-ли это? не кладъ ли какой въ чешку оборотился?—Взялъ я да и пырнулъ ее ножомъ наотмашъ, такъ польснулъ по брюху, что вида кровь брызнула. Чешка, братики вы мои, тутъ и проговорила мнѣ, издыхаючи: на три головы получишь отъ меня разжитокъ... Такъ и случилось: сперва-наперва жену схоронилъ, потомъ двухъ сыновей зашибся, сиротой

сдѣлался. Разрѣзалъ я эту чешку, гляжу: изъ подъ самаго сердца выкатился камень самоцвѣтный, такъ и блестя, точно звѣзда небесная. Взялъ я его, да въ городъ съ нимъ съѣзнилъ; а тамъ мнѣ купецъ за него деньжищевъ отвалилъ—страсть!.. Вотъ съ той самой поры и сталъ я жить-поживать, сладко пить-поѣдать; однако и черезъ богатство слезы катятся. Къ чему оно, какъ подумаешь? Сколько головушекъ за него легло во сыру-землю!»

С. Деруновъ.

